

УДК 94(437)

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.17

Н. Н. Наумов

«Страх Божий» в позднесредневековой Чехии

Наумов Николай Николаевич

Кандидат исторических наук, научный сотрудник

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119192, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва, Российская Федерация

Email: nn-naumov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6587-1681

Цитирование

Наумов Н. Н. «Страх Божий» в позднесредневековой Чехии // Славянский альманах. 2024. № 3–4. С. 312–333. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.17

Статья поступила в редакцию 10.11.2023.

Рецензирование завершено 26.11.2023.

Статья принята к публикации 24.09.2024.

Аннотация

В фокусе статьи находится семантика старочешских терминов, применявшихся в Чехии XIV – первой трети XV в. для выражения чувства страха перед Богом. В первой части работы рассмотрены смысловые латинско-чешские пары из словаря Бартоломея из Хлумца (Кларета) XIV в.: было установлено, что понятие «боязни» (ст.-чеш. *bázně*) толкуется как антоним любви (ст.-чеш. *milost*), при том что Кларет явно чувствует семантико-этимологическое родство между понятиями «страха» (ст.-чеш. *strach*) и «страсти» (ст.-чеш. *strast*). Во второй части предпринято сравнение узуса Кларета с практикой перевода Вульгаты на старочешский язык: установлено, что изначальные термины («робость», лат. *timor*; «страх», лат. *pavor*; «ужас», лат. *terror*) переводчики произвольно передавали словом «страх» там, где подразумевались чувства верующих, в то время как термины «боязнь» и «ужас» (ст.-чеш. *hróza*) как правило выражали чувства неверующих, запуганных Богом. В третьей части рассмотрен язык двух священников рубежа XIV–XV вв. (Томаша Штитного и Яна Гуса), а также гуситов 1420-х гг.: установлено, что страх верующего они выражали термином «боязнь Божья» (ст.-чеш. *bázně boží*), термин же «страх» означал либо чувство

нехристиан и лжехристиан, запуганных Богом, либо же – то психологическое препятствие, с которым каждый праведник призван стойко бороться. Тем самым имеет место прямое противоречие между практикой перевода Вульгаты и живым языком позднесредневековых чехов.

Ключевые слова

Чешское королевство, XIV–XV вв., старочешский язык, Вульгата и Старочешская Библия, Томаш Штитный, Ян Гус, гуситы.

Историк и священник Георгий Чистяков высказал интересное замечание: «На вопрос, что такое страх Божий, исчерпывающий ответ дает Библия на латинском языке – Вульгата. За тысячу лет истории в языке Горация, Тибулла, Овидия и других величайших поэтов человечества накопился огромный словарный запас, латинские слова передают тончайшие оттенки смысла там, где почти всякий другой язык будет бессилён. Одно греческое слово φόβος (страх) – по-латыни это и *rauo*, и *metus*, и *terror*, но есть еще слово *timor*, и именно этим последним переводится слово φόβος, когда речь идет о страхе Божьем. *Timor* (отсюда французское *timide*) – это радостное робение или же страх причинить боль, обидеть, страх потерять»¹. Иначе обстоит дело в церковнославянском языке: слишком общий, неконкретизированный смысл существительного «страх» является причиной того, что зачастую «страх Божий» воспринимается восточными христианами в качестве «опасения» (лат. *metus*) или «ужаса» (лат. *terror*) перед силой, которая способна покарать человека за грех, – такой подход Г. П. Чистяков считает средневековым заблуждением. Старочешский язык XIII–XV вв. в этой связи представляет собой уникальный феномен, позволяющий осознать значение исторического выбора центрально- и восточноевропейских народов между западным и восточным христианством: с одной стороны, в его лексике имеется тот же самый термин «страх», которым в изводах церковнославянского языка именуется рассматриваемое чувство, с другой – старочешские переводы Библии делались с Вульгаты, а не с греческих текстов: тем самым у чехов был шанс подыскать особый эквивалент для каждого из названных латинских слов, выражающих оттенки страха. В фокусе

¹ Чистяков Г. П. Размышления с Евангелием в руках. М., 2008. С. 36–37.

статьи находятся смыслы, которые вкладывались чехами XIV–XV вв. в словосочетания, означающие «страх Божий».

Пере проверка наблюдений Георгия Чистякова показала, что в Вульгате *timor Dei* – далеко не единственный вид страха перед Богом. «Боязнь перед Господом» (лат. *pavor Domini*) удерживала окрестные народы от нападений на Иудею в правление царя Иосафата (2 Пар., 17:10; 29:20). Антонимом этого чувства является смелость: «Смелость прямодушного – путь Господень, и боязнь (лат. *pavor*) тем, кто совершает зло» (Пч. 10:29)². Еще более жестко говорит пророк Исая, поучая иудеев и израильтян своего времени: «Не говорите “Заговор!”, ведь все, что говорит народ этот, заговором является; робостью его (этого народа. – Н. Н.) не робейте и не пугайтесь. Самого Господа войск почитайте, Он – Боязнь (лат. *pavor*) ваша, Он – Ужас (лат. *terror*) ваш» (Ис. 8:12–13)³. И наконец, апостол Павел призывает евреев служить Богу «с испугом и почтением (лат. *cum metu et reverentia*)» (Евр. 12:28). Поэтому будет правильным заключить: «страх Божий» в Библии – это и *timor*, и *pavor*, и *metus*, и *terror*⁴.

1. *Словарь Кларета*. В середине XIV в. магистр Бартоломей из Хлумца по прозвищу «Кларет» (лат. *Claretus*)⁵ составил рифмованный словарь, в котором для каждого из названных латинских слов был указан его старочешский эквивалент. В разделе «О телесных порывах» в одном ряду со словами «воплъ» (лат. *clamor*, ст.-чеш. *voláníe*), «рвота» (лат. *vomitus*, ст.-чеш. *vrácenie*), «серьезность» (лат. *serium*, ст.-чеш. *jěvo*), «мочеиспускание» (лат. *minctio*, ст.-чеш. *scáníe*) стоит словесная

2 «Fortitudo simplicis via Domini, et pavor his, qui operantur malum».

3 «Non dicatis: Conjuratio; omnia enim quae loquitur populus iste, conjuratio est: et timorem ejus ne timeatis, neque paveatis. Dominum exercituum ipsum sanctificate; ipse pavor vester, et ipse terror vester».

4 При этом в фокусе внимания католических схоластов XII–XIII вв. оказался именно *timor*, подразделяемый на «робость рабскую» (лат. *timor servilis*) и «робость сыновью» (лат. *timor filialis*) и рассматриваемый в качестве дара Божьего. См., в частности, анализ воззрений Фомы Аквинского, предпринятый Д. Чертё: *Cserťõ Gy. De timore Dei iuxta doctrinam scholasticorum a Petro Lombardo usque ad S. Thomam. Disquisitio historico-theologica. Romae, 1940. P. 184–200.*

5 Ср. латинские слова «claratus» (прославленный) и «claretum» (краситель, получаемый из вина и меда): *Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь*. М., 2006. С. 149; *Glossarium mediae et infimae latinitatis conditum a Carolo du Fresne domino du Cange cum supplementis integris monachorum ordinis s. Benedicti / Digessit G.A.L. Henschel. Parisiis, 1842. T. 2. Col. 377.*

пара timor – bázně: «“Bázně” – “timor”, но “amor” пусть будет “milost”»⁶. В сознании Кларета – чеха XIV в. – чувство боязни-робости противопоставлено чувству любви, при том что их объединяет принадлежность к «телесным порывам» (лат. *motus corporis*), внезапным и нестерпимым – таким, как рвота. В том же самом разделе обнаруживается и словесная пара ravor – strach, при том что его значение угадывается не через антитезу, как выше (timor ≠ amor), но через поочередное именование близких по значению слов: 1) причитание (лат. *lugubra*, ст.-чеш. *nařekání*) и поругание (лат. *blasphemia*, ст.-чеш. *poruhání*); 2) грусть (лат. *tristitia*, ст.-чеш. *smutek*) и скорбь (лат. *maeror*, ст.-чеш. *žalost*); 3) страсть (лат. *erumpna*, ст.-чеш. *strast*) и страх (лат. *pavor*, ст.-чеш. *strach*). Слово «страсть» в его церковнославянском и старочешском смысле означает горе, муку: однокоренными ему являются глагол «страдать» и существительное «страх», значение которого сфокусировано на болезненности переживаемого чувства⁷.

Третье латинское слово – terror, т. е. «ужас» – Кларет отнес в следующий раздел своего словаря («О природе тела», лат. *De corporis natura*): там перечисляются уже более постоянные качества, черты, присущие людям. Перечислены подряд следующие слова: незнание / неспособность (лат. *ignorantia*, ст.-чеш. *neumělost*), сыпь (лат. *lues*, ст.-чеш. *uspnost*), незнание (лат. *ignoratio*, ст.-чеш. *nevěděnie*), ужас (лат. *terror*, ст.-чеш. *lečenie*). Заметно, что первое слово тождественно третьему, а потому и сходство между физическим уродством (сыпью) и словом «ужас» в сознании Кларета не представляется случайным: согласно Электронному словарю старочешского языка, *lečenie* означает как сам ужас, так и то, чем это чувство вызвано.

Четвертое латинское слово (*metus*) Кларет отнес в раздел «О совершенном» (лат. *De factis*), в который попадали отглагольные существительные, выражающие процесс (*-tio, -onis* f 3-го склонения и *-us, -us* m 4-го склонения). Старочешский эквивалент (ст.-чеш. *ústrach*) имеет приставку, выражающую совершенный вид (аналогично – и иные слова этой группы: *accensus* – **přístup**, *recessus* – **odešcie**, *egressus* – **vychod**, *aggressus* – **nachod**). Тем самым в восприятии Кларета речь идет об однократном, сильном испуге – в противоположность термину «strach», который акцентирует сам процесс ощущения страха.

6 «Baznye timor, sed amor mylost sit». Klaret a jeho družina / vyd. V. Flajšhans. Praha, 1926. Sv. 1. S. 156.

7 Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. СПб., 1996. Т. 3. С. 771–772.

Обратимся к старочешским переводам Вульгаты XIV – начала XV века, чтобы установить: 1) действительно ли при переводе применялись именно такие старочешские эквиваленты латинских терминов тогда, когда речь шла о «страхе Божьем»; 2) различимы ли какие-либо закономерности в том, как эти слова применялись переводчиками; 3) соотносится ли их узус с тем, с каким смыслом эти термины применяли их современники конца XIV – первой трети XV в. Исследование опирается на Дрезденскую рукопись XIV в., а также Литомержицко-Тршебоньскую и Оломоуцкую Библии начала XV в.; эпизодически привлекались также Босковицкая Библия и Микуловская рукопись XV в.⁸

II. Старочешские переводы Вульгаты. Переводчики XIV в. большей частью переводят *timor* термином «*strach*». При этом следует отметить следующую тенденцию: под «страхом Божьим» в переводах всегда понимается чувство верующего. «Почему вы не ходите **в страхе нашего Бога?**» – порицает евреев пророк Неемия за их богоотступничество⁹. Уверовавший во Христа центурион Корнилий увидел ангела «и сказал, **охваченный великим страхом:** “что Ты хочешь, Господи?”»¹⁰. С другой стороны, в тех местах Вульгаты, где святой Иероним выразил термином «*timor*» страх неверующих перед Богом и Его воинственным народом, старочешские переводчики передают это латинское слово иначе. В Дрезденской и в Литомержицко-Тршебоньской рукописи так говорится о поражении сыновей первосвященника в борьбе со злым духом, в которой Бог не оказал тем никакой помощи: «И это стало известно всем евреям и язычникам, которые находились в Эфесе, и **ужас огромный** упал на всех, и восхвалили Господа Иисуса Христа» (Деян. 19:17)¹¹. То же самое слово «ужас» (ст.-чеш. *hróza*) было употреблено этими переводчиками вместо оригинального «*timor*» также и там, где говорится о реакции

⁸ При воспроизведении цитат из источников автор статьи выделил ключевые понятия и выражения полужирным шрифтом.

⁹ «*proč v strachu našeho boha nechodíte*». Staročeská Bible Drážďanská a Olomoucká / vyd. V. Kyas. Praha, 1988. D. 3. S. 714.

¹⁰ «*Na něhožto s velikým strachem on vzežřev, k němu vece: “Co chceš, hospodine?”*». Ibid. D. 2. S. 275.

¹¹ Текст в обоих рукописях идентичен и отличается только орфографией. Приводится вариант из Литомержицко-Тршебоньской Библии: «*A to sě proneslo všem Židuom i pohanóm, jížto přebýváchu v Efezu. I spadla jest na všecky veliká hróza i pochválichu hospodina Jezukrista*». Ibid. S. 309.

еще не верящих во Христа иудеев на исцеление расслабленного: «И охватил страх (лат. *stupor* в Вульгате. – *Н. Н.*) всех, и они восславили Бога, **будучи полны ужаса** и говоря: “Чудеса видели мы сегодня”» (Лк. 5:26)¹². Еще одно слово, которое заменяет *timor* в переводах Библии, – это «боязнь» (ст.-чеш. *bázně*). Царь Давид, имя которого по промыслу Бога вселяло страх в сердца всех народов (1-я Пар. 14:17), назван в Оломоуцкой Библии «Израилем, правящим над людьми, будучи законным господином **в боязни Божьей**» (2-я Цар. 23:3): тем самым эта боязнь, насажденная Богом, выступает в качестве аргумента законности гегемонии Давида по отношению к языческим народам, которые были им покорены, – моавитянам, идумеянам, сирийцам-арамеям¹³. Согласно Оломоуцкой Библии 1411 г., стражники, которым было вверено стеречь Гроб Господень, «**из боязни перед ним** (ангелом. – *Н. Н.*) устрашились и сделались словно мертвые» (Мф. 28:4)¹⁴. В Дрезденской Библии середины XIV в. в последнем случае употреблен термин «*strach*», равно как и в Микуловской Библии середины XV в. В то же время как в Оломоуцкой, так и в Босковицкой рукописи начала XV в. в данном контексте говорится о «боязни» (ст.-чеш. *bázně*)¹⁵. Вероятно, сомнения переводчиков были обусловлены вопросом, кем должно считать иудейскую стражу, охранявшую Гроб – правоверными иудеями, знающими Бога Отца и боящимися Его, либо же нехристиами и пособниками тех, кто Христа распял. Страх перед божеством апостол Павел изобразил перед римлянами в качестве архаичного заблуждения, призывая относиться к Богу так, как сын относится к отцу. Неслучайно, что латинский термин «*timor*» в следующих словах из Послания к римлянам создатели Дрезденской и Литомержицко-Тршебоньской рукописи поняли и передали как *bázně*: «Ибо

12 Текст в обоих рукописях идентичен и отличается только орфографией. Приводится вариант из Литомержицко-Тршебоньской Библии: «*I popade strach všecky i veleslaviechu boha, **jsúce plni hrózy** a řkúce, že smy viděli divy dnes*». Ibid. D. 1. S. 213.

13 «*Řekl jest buoh izrahelský, mně jest mluvil silný *Izrahel, jenž panuje nad lidmi, pravý pán u bázni božie**». Ibid. D. 3. S. 496.

14 «***Pro bážen pak jeho** zstrašichu sě stražní a učinichu sě jako mrtví*». Ibid. D. 1. S. 133.

15 Ibid. S. 132; Брно. Моравская земская библиотека. Moravská zemská knihovna v Brně. Bible “mikulovská”. Sign. Mk. – 0000.001. Fol. 469v.; Оломоуц. Государственная научная библиотека. Státní vědecká knihovna Olomouc. Bible boskovická. Sign. M III 3. Fol. 437v.

вы не взяли дух служения вновь **в боязни**, но взяли дух избрания сыновей, в котором мы зовем: “Авва, отче!”. Ибо тот дух дает свидетельство нашему духу, что мы – сыны Божьи» (Рим. 8:15)¹⁶. В другом месте того же Послания, где речь идет о христианском страхе перед Богом, термин «timor» передан как *strach*: «нет страха **Божье-го** перед глазами их (иудеев и греков-язычников. – *Н. Н.*)» (Рим. 3:18)¹⁷. В Первом Соборном послании апостола Иоанна timor прямо противопоставляется любви (лат. *caritas*), что созвучно дихотомии «timor ≠ amor», сформулированной в словаре Кларета. В переводах этого Послания мы вновь наблюдаем ситуацию, когда этот нехристианский, неправильный страх передается термином «боязнь»: «**Боязни** нет в любви, ибо совершенная любовь выталкивает прочь **боязнь**, ибо **боязнь** имеет муку, и кто боится, тот несовершенен в любви» (1-е Иоан. 4:18)¹⁸. Таким образом, можно сделать вывод, что в восприятии чешскими переводчиками XIV в. библейских текстов термин «timor» передавался двояко: через слово «*strach*» в случае, если речь шла о страхе верующего и его верности Богу, либо же через иные слова («боязнь», ст.-чеш. *bázně* / «ужас», ст.-чеш. *hróza*), если речь шла о чувстве язычника. Применение переводчиками термина «*lečení*» в контексте ужаса перед Богом не было зафиксировано.

В отраженном виде эта же закономерность наблюдается и в подходе переводчиков к переводу терминов «*ravor*» и «*terror*». О евреях, испугавшихся пламенеющей и дымящейся горы Синай, на которой Бог передал Моисею заповеди, в Вульгате сказано: они были «*ravore concussi*» – «страхом пораженные» (ст.-чеш. *strachem zarazeni*) в интерпретации переводчика, создавшего Оломоуцкую Библию (Исх. 20:18)¹⁹. В Книге Левит (Лев. 26:36) Бог предостерегает Свой избранный народ от боготступничества, грозя: «*dabo ravorem in cordibus eorum in*

16 «*Nebo nevzali ste duchu služebnosti opět v bázni, ale vzali ste duch vzvolenie synov, v němžto volámy: “Abba, otče”*». *Nebo on duch svědectvie vydává našemu duchu, že smy synové boží*». Staročeská Bible Drážďanská a Olomoucká. D. 2. S. 45. Ср. также слова из 2-го Послания к Тимофею, где timor передан как *bázně* (2-е Тим. 1:7): «не дал нам Бог духа боязни, но духа силы и любви» (ст.-чеш. *nebo nedal nám jest böh ducha bázni, ale ducha moci a milování a střízvosti*). *Ibid.* S. 197.

17 «*nenie strachu božieho před jich očima*». *Ibid.* S. 35.

18 «**Бáзеň** *nenie v lásce neb svrchovaná láska ven vypúštie bázeň. Neb bázeň muku má, a ktož sě bojí, nenie svrchovaný v lásce*». *Ibid.* S. 375.

19 *Ibid.* D. 3. S. 132.

regionibus hostium». Для перевода переводчик снова выбрал именно термин «strach»: «Я дам страх на их сердце в областях врагов»²⁰. Тот огромный страх, который ощущали евреи, когда Бог вывел их из Египта через Красное море, в Вульгате назван *pavor ingens*, в ее старочешских переводах – *strach úřitný* (Втор. 26:8)²¹. В свою очередь, будучи спасены от египтян, Моисей и евреи воспели песнь Богу, в которой содержался вот такой призыв: «Да нападет на них (жителей Ханаана, который евреям было предназначено захватить. – *Н. Н.*) **страх и ужас** в величии руки Твоей». В выделенном сочетании (ст.-чеш. *strach a úžest* / лат. *formido et pavor*) именно слово «ужас» соответствует латинскому термину «*pavor*» (Исх. 15:16)²². Аналогично, термин «*terror Dei*» передан сочетанием «*hróza božie*» там, где говорится о запуганных ханаанцах, не осмелившихся напасть на Иакова, который низложил идола богов в Вефиле (Быт. 35:5)²³. «**Ужас Мой** (лат. *terrorem meum* / ст.-чеш. *hrózu mí*) пушу бежать перед тобой и убью всякий народ, на который ты нападешь, и спины всех врагов твоих вспять обращу перед тобой», – сказал Бог Моисею (Исх. 23:27)²⁴. В то же время там, где термин «*terror*» передает чувства верующих, переводчики передают его термином «*strach*». В Оломоуцкой Библии говорится: «Не бойтесь, ибо Бог пришел, чтобы вас испытать, чтобы **страх Его** (ст.-чеш. *strach jeho*, ср. с *terror illius* в Вульгате) был у вас, чтобы вы не грешили», – говорит Моисей евреям (Исх. 20:20)²⁵. Даже ханаанцы, покорно приславшие посольство к предводителю воинственных евреев, Иисусу Навину, согласно Оломоуцкой Библии, испытывают не ужас перед ними, как в Вульгате (лат. *terror vester*), – но страх (лат. *strach váš*) (ИсНав. 2:9; 9:24)²⁶. Очевидно, что переводчики прибегли к подмене понятий Ветхого Завета в соответствии с новозаветным пониманием как «страха Божьего», так и принадлежности к верующим²⁷.

20 «*dám strach na jich srdce u vlastech vrahóv*». Ibid. S. 202.

21 Ibid. S. 304.

22 «*Udeř na ně strach a úžest u velikosti ruky tvé*». Ibid. S. 124–125.

23 Ibid. S. 76.

24 «**Hrózu mí** pustím v příběh tvój a zabiem lid vešken, k němuž vendeš, a všech nepřátel tvých chřeby obráci před tebú». Ibid. S. 137.

25 «*Nerod'te se báti, nebo ať by vás zkusil, přišel jest buoh, aby strach jeho byl u vás, abyšte nehřešili*». Ibid. S. 132.

26 Ibid. S. 323, 334.

27 Тем не менее в Посланиях есть исключения из сформулированной выше закономерности: во Втором Послании к коринфянам и в Послании

III. *Томаш Штитный, Ян Гус и гуситы.* Обратимся к толкованиям «страха Божьего» у двух чешских священников конца XIV – начала XV вв., каждый из которых оставил после себя собрание проповедей и иных дидактических текстов. Удивительно, но в трактате Томаша Штитного из Штитного («Шесть книг об обыкновенных христианских вещах») мы видим такую интерпретацию терминов, которая прямо противоположна узусу переводчиков Библии. «Начало мудрости – **боязнь Божья**», – цитирует он Книгу притч (Прит. 1:7), добавляя: «бойся разгневать Бога, помня, что придется умереть»²⁸.

к эфесянам Павел предписывает «страх Божий» без каких-либо оговорок (2-е Кор. 5:11; 7:1; 7:11; Эф. 5:21): в Вульгате христиане названы «взаимоподчиненными в **страхе** Христовом» (лат. *subjecti invicem in timore Christi*), в Оломоуцкой Библии – «подчиненными воедино через **боязнь** перед Христом» (ст.-чеш. *poddáni vespolek s bázní Kristovú*). Ibid. D. 2. S. 113, 115, 151. Предполагаю, что это обусловлено следующим: создатели старочешских переводов имели основание не считать греческих адресатов Посланий (коринфян, эфесян и иных) настоящими христианами, ведь Греция их времени, с которой латиняне были хорошо знакомы, должна была представляться им зоной обитания восточнохристианских схизматиков – православных византийцев. Искоренение кирилло-мефодиевской традиции в Чешском княжестве, схизма 1054 г. и бескомпромиссное провозглашение католичества единственной допустимой религией в первом из Статутов королевства 1355 г. закрыло чехам XIV в. любые пути для взаимодействия с православным миром. Это же касается и терминологии «страха Божьего» в Послании к евреям: там термин «metus» передан как «bázně», а не как «strach»: «И потому, принимая Вечное царство, да имеем любовь, через которую да служим **с боязнью и почтением**, угождая Богу, ибо Бог наш – это Огонь Пожирающий». Из Оломоуцкой Библии: «А protož my, jízto královstvie nepohnuté přijímamy, mějmy milost, skrzě nižto služimy, líbice sě bohu **s bázní a s poctivostí**, neb böh náš ohen spaljíci jest» (Евр. 12:28). Ibid. S. 219. Думается, что это связано с тем, что с переходом от Ветхого Завета к Новому у читающего принципиально меняется отношение как к иудейской религиозной традиции, так и к тем, кто ей следует, ведь именно они распяли Христа и чинили расправу над первыми христианами. Поэтому термин «страх Божий» создатели переводов задействуют лишь тогда, когда речь идет о вере ветхозаветных иудеев и новозаветных римлян.

28 «počátek múdrosti jest **bázn božie**; boj se Boha rozhněvati, pomně, ež máš umřieti». *Tomáš ze Štítného*. Knížky šestery o obecných věcech křesťanských / vyd. K. J. Erben. Praha, 1852. S. 280.

Термин «strach» Штитный употребляет либо в бытовом контексте (напр., опасение за сохранность имущества), либо же – при описании того тяжелого чувства «страшного страха» (ст.-чеш. *hrozný strach*), с которым пойдут на Страшный суд «бедные евреи, язычники или еретики, но также и злые христиане»²⁹. «Смятутся **страшным страхом** и обомлеют, насколько скоро их избавят от надежды ко спасению», – заявляет Штитный³⁰. Лишь единожды термин «strach» употреблен в значении того «страха Божьего», который должен быть у верующего: «Ибо много есть зла, которое уводит людей от Бога, но само по себе не является смертным злом. Потому было бы хорошо, если бы люди оставили это; ведь будет нехорошо осудить за это на вечное проклятие тех, кто этого не оставит; и довольно, что им будет тяжело гореть в Чистилище за эти никчемности (имеются в виду пристрастия к танцам, «хождению в золоте» и подобным вещам. – *Н. Н.*) – и кто знает, до какого срока и какие мести Божьи будут ожидаться! **И также есть страх**, чтобы люди не вошли в смертный грех через эти никчемности – так, как многие входят, потому хорошо бы было оставить их, прежде чем заслужить пребывание в Вечном Аду»³¹. Тема бытового благочестия мирян – центральная тема трактата Штитного, который старался настроить паству на воздержание от популярных забав и роскошеств своего времени – танцев, рыцарских турниров, одежд, подчеркивающих мужскую торс и женскую грудь, а также прочих «никчемностей» (ст.-чеш. *marnosti*), которые сложно назвать грехом. Не сумев найти в Библии таких установлений, которые однозначно запретили бы эти повседневные развлечения, Штитный в процитированном отрывке приложил максимальные усилия своего красноречия, чтобы доказать их пагубность. Думается, что этим и обусловлен выбор слова «strach»: если мирянин слишком слаб разумом и сердцем, чтобы

29 Ibid. S. 23.

30 «zamútie se **hrozným strachem** a vzdívie se, že tak brzo sú odlúčení naděje k zdraví svému». Ibid. S. 24.

31 «Neb mnohé jest zlé, že zavodí lidi od Boha: a však samo v sobě není zlé smrtelné. Protož ač by dobré bylo, by toho lidé ostali: však není dobré odsúdití je proto k zadržání věčnému, ještě toho neostanú; dosti' hoře ved' budú mieti, pro ty marnosti hořeti v čistci, kto je vie, dokud; neb kteréžkoli pomsty božie čekati na se! **A také, žej' strach**, by těmi marnostmi nezašli v hříech smrtelný, jakož mnozí zacházejí, proč by teprv zaslúžili býti u věčném pekle, dobroj' ostati těch marností». Ibid. S. 143.

повиноваться Богу как своему отцу, пусть он страшится Божьей мести за свои прегрешения³².

Обращение к идиолекту магистра Пражского университета Яна Гуса показывает: отношение христианина к Богу он последовательно выражает термином «боязнь». Так, в его «Толковании молитвы Господней» мы находим следующее утверждение: «Четвертая добродетель – мужество, которого человек твердо держится во всех первых добродетелях: настолько, что лучше умереть как мужественный рыцарь, чем убежать позорно от добродетели. И от этих добродетелей (осторожность, справедливость, скромность в еде и пище, а также мужество. – Н. Н.) зависят все остальные: в них сын Божий, святой человек, приступая к служению Божьему, должен пребывать (досл. «стоять». – Н. Н.) в **боязни Божьей**, боясь, словно возлюбленный сын, чтобы отца не разгневать»³³. Дериваты термина «strach» у Гуса применяются либо в бытовом смысле (беспокойство мужа, если жена грозит ему), либо же – в таком, который прямо противоположен вышеупомянутой «боязни Божьей», предполагающей мужественное неотступление от христианских добродетелей ни под каким видом: 1) «По примеру тех святых мы, помня о Воскресении, должны **не страшиться смерти**, чтобы мы не отступили от заповеди Божьей, но мы должны смело стоять вплоть до смерти, имея желание покинуть мир так, как моряки – ту лодку, которая тонет; так, как путешественник чужую землю покидает, а гость – дом падающий, а узник – узилище жестокое, ибо мы – на море, в пути через чужую землю, в падающем мире и в плену тела, которое является суровой тюрьмой» («Толкование веры»)³⁴; 2) «И каждый, кто согрешит смертельным грехом, погасит

32 В своих воскресных проповедях Штитный на порядок чаще применяет термин «strach» и его дериваты для описания того чувства, которое по отношению к Богу должен испытывать грешный прихожанин. В т. ч. дважды говорится о «страхе Божьем» / «боязни и страхе Божьем» (ст.-чеш. *strach bozij / z bazzny a z strachu bozzijeho*). *Idem*. *Řeči nedělní a sváteční* / vyd. J. Straka. Praha, 1929. S. 75, 413.

33 «Čtvrtá statečnost, již člověk ve všech prvních ctnostech pevně se drží, že by raději jako statečný rytíř umřel, než by hanebně od ctnosti poběhl. Až na těch ctnostech záleží všechny jiné, a v nichž syn boží, člověk svatý, přistupiv k službě boží, má státi v **bázní boží**, boje se jako milý syn, aby otč nerozhněval». *Jan Hus*. *Sebrané spisy české* / vyd. K. J. Erben. Praha, 1865. D. 1. S. 349.

34 «Těch svatých příkladem my, pamatujíc vzkřesenie, máme se **smrti nestrachovati**, tak abychom od prikázanie božieho ustúpili, ale smele státi do

в себе любовь Божью: он сам – свой убийца. Но вот! Этого убийства люди не замечают, а серьезно относятся и **очень страшатся убийства телесного**, но мало думают о духовном убийстве: потому тех, кто убивает тело, считают весьма дурными и **страшатся их**, тех же, которые убивают душу свою и чужую, любят и их **не страшатся**» («Толкование десяти Божьих заповедей»)³⁵. По сравнению со Штитным, Гус даже в проповедях и письмах никогда не описывает отношение христианина к Богу через понятие «страха». «Тот верный христианин зовет от сердца и **без страха** еще сильнее: “Иисусе, сыне Давидов, смилуйся надо мной!” – ведь нет Писания, по которому кто-то взывал бы так к Нему и не был бы услышан», – проповедовал Гус в воскресенье перед Великим постом³⁶. «Верные вассалы, которые видят Иисуса, **не должны страшиться** ангелов и – через них – пришествия смерти», – уверяет Гус в проповеди на Пасху, ведь «Всемогущий Бог – ужасен для грешников, милостив к справедливым»³⁷. Думается, что к более жесткому обособлению «боязни Божьей» настоящего христианина от страха и ужаса, который испытает перед Богом грешник, Яна Гуса подтолкнуло учение о Церкви предопределенных (лат. *praedestinati*), почерпнутое им у Джона Виклифа и относящее к настоящей Церкви лишь тех духовных лиц и мирян, кто ведет праведную жизнь.

Идентичность чешских утраквистов XV в., за которыми закрепилось название «гуситов», данное Констанцским собором, – это идентичность праведников и Божьих воинов. В их восприятии страха Божьего можно обнаружить как топос страха и ужаса, с которым

smrti, majú žiadosť vyjít z sveta, jako plavci z lode, jeňž tone, a pútník z cizie země, a přebyvač z domu padúcieho, a vezeň z vězenie ukrutného; neb jsme na moři, na páti v zemi cizie, v padúciem světu a u vězení těla, jeňž jest těžký žalář». *Jan Hus*. Sebrané spisy české. D. 1. S. 38.

35 «A každý, ktož smrteďně shřěší, milosť boží v sobě uhasě, jest sám svůj vraždelník. Ale pohřiechu! Té vraždy lidé neznamenají, a vázie těžce a **strachují se velmě zabítie tělesného**, ale málo tbají duchovnieho; protož ty, kteříž se na těle zabíjejí, mají za velmě zlé a **strašie se jimi**, a pak ty, jeňž se i jiné na duši mordují, milují, a jich se **nestrachují**». *Ibid.* S. 158.

36 «ten řku křesťan volá z srdce a **bez strachu** ješě více: “Ježíši, synu Davidóv, smiluj se nade mnú!” neb nenie písma, by kdy kto volal tak k němu a nebyl uslyšán». *Ibid.* D. 2. S. 83.

37 «A že věrní, kteříž Ježíše hledají, **nemají se angelóv strachovati** a tak smrti navštievienie»; «všemohúci böh i hrozný jest hřiešným i ochotný spravedlivým». *Ibid.* S. 136–137.

Бога и Его воинов воспринимают Его и их противники – традиционные католики, так и ту «боязнь», с которой к Богу относятся они сами. 5 декабря 1420 г. магистр Кристиан из Прахатиц написал пану Олдржиху из Рожмберка следующее письмо: «Господь Бог Всемогущий даст тебе, который уже достаточно наказан, уразуметь, чтобы ты на деле до конца держался вместе с Его Святой правдой Его Божьего совета, который не обманет тебя, внемля Ему более, чем смертному человеку, **боясь и пугаясь утраты любви и страшной будущей мести**, помня всерьез о твоём обещании и клятве, которую ты дал Ему при крещении, а затем, хорошо обдумав, – и Его правде пообещал, отвергнув всю светскую и человеческую боязнь и приязнь»³⁸. Устрашенный победой пражских гуситов под Вышеградом, оставленный Сигизмундом без поддержки в войне с таборитами, этот традиционный католик и пан-лоялист уже в ноябре-декабре 1420 г. пообещал, что признает Четыре Пражские статьи. Гуситский проповедник считал необходимым сильнее напугать его – самого владетельного пана в Чешском королевстве – в том числе и выделенными словами для того, чтобы тот не раздумал. Пражские статьи гуситы воспринимали в качестве правды Божьей, а не своей собственной, подчеркивая, что сражаются не за себя, но за Бога и Его закон. В этой связи было естественно, что собственные победы они неоднократно приписывали тому страху, который был наслан Богом на врагов. Вот так очевидец-гусит описал самое масштабное сражение Гуситских войн – битву у Домажлиц 1431 г.: «когда мы во вторник (14 августа. – Н. Н.) подготовились очень ранним утром, пошли на них, тогда враги, узнав об этом, были готовы столь же рано и вышли вперед многими сильными отрядами. И те отряды остановились, как только мы приблизились к ним со своим войском на расстояние около мили. И тут Господь Бог наслал на них **такой явный страх**, что утром те направили возы через лес, в то время как отряды обороняли иные возы, отбиваясь от нашего войска. Но когда наши из войска стали на них давить, а все

38 «pán bůh všemohůci dá tobě již pevně potrestkanému porozuměti, aby věrně jeho božské rady, již tebe konečně nezawede, uposlechna, jeho sě wiece než smrtelného člowěka i **milosti ztracenie i pomsty hrozné budúcie boje a lekaje**, a nad to na swój slib a wieru, kterůž jsi jemu na krstu, a potom s dobrým rozmyslem i jeho prawdě slibował, sě wážně rozpomena, wšecku swětskú a lidskú bázeň i přiezeň opowrha, s jeho swatú prawdú skutečně setrwal až do konce». Archiv český, čili staré pisemné památky české a morawské / wydal F. Palacký. Praha, 1844. D. 3. S. 4.

войско наше приближалось к Ризенбурку, следуя за ними, то, увидев это, они стали убегать многими путями вместе с теми отрядами... Король над королями, Господин над господами, уберегая, Своих защищает и спасает, за них сражается и побеждает»³⁹. В свою очередь, если речь идет о праведных людях, тогда тот же самый термин «strach» в гуситской интерпретации обозначает то препятствие, которое грозит сбить праведника с пути и которое он призван мужественно побороть: «“И не обращает внимания на трубный звук” (Иов 39:25). Когда восклицает власть Зверя – светских господ и князей – **устрашая**, то <святой> не обращает внимания на это и не перестает творить добро. “И когда услышит бой, скажет: Вах!”, т.е. радуется. “Вах” означает радость. Когда им (святым. – *Н. Н.*) говорили: “Вот схватят тебя, вот ты умрешь!”, а он ответил: “Вах!”, т.е.: “Слава Богу, радуюсь в Господе! Вот настанет конец моей печали, предстоит утешение в Господе!”» – учил магистр Якоубек из Стршибра пражских гуситов в 1421 г. на примере Иова Многострадального⁴⁰. Такой же мотив встречается и у Яна Гуса: «Но я уже видел, что простые бедные священники, бедные миряне и мирянки мужественнее сражаются за правду, чем

39 «Když smy w útery welmě ráno hotowi byli, na nětahli, tehdy oni nepřítelé to zwěděwše, ležiece pod Domažlici, tak ráno hotowi byli, w mnohé silné haufy šikowawše se; a ti haufowé stáli sú, až sme se přiblížili k nim swým wojskem od nich snad míli. A tu jest pán buoh na ně poslal **takowý znamenitý strach**, že sú byli wozy ráno přes les pustili, a jiných wozów těch sú húfi hájili, od našeho wojska zdržujícíe. Ale kdy sú naši z wojska po nich tiskli, a wojsko naše wšeccko po nich k Risenburku přibližowalo: toho zazřewše, cestami mnohými s těmi haufy utiekali sú... Král nad králi, pán nad pány, jenž swé zachowáwaje brání, retuje i za ně bojuje a wítězí». Ibid. D. 6. S. 424. О том, что в той же самой битве «Господь Бог дал страх на них (крестоносцев. – *Н. Н.*)», в 1474 г. напомнили Владиславу Ягеллонскому послы чешских городов: Ibid. D. 4. S. 480.

40 Комментарий к словам из Книги Иова (39: 24–25) в составе «Толкования на Видение св. Иоанна»: «“Nevází sobě zvuku trauby”. Když křičí moc šelmy, pánuov a kniežat světských, **strašiece**, nedbá na to, nepřestává od skutku dobrého. “A když uslyší boj, die: Vach”, totiž raduje se. Vach vyznamenává potěšenie. Když sú jim řekli: “Již budeš jat, již umřeš” a on odpowěděl řka: “Vach”, totiž: “Chwála Bohu, raduji se Pánu! Již konec bude zámутku mého, musím se těšiti v Pánu”». *Jakoubek ze Stríbra*. Výklad na Zjevenie sv. Jana. Praha, 1933. D. 2. S. 229. Важно отметить, что термин «потěšenie», которым Якоубек определил восклицание «Вах!», означает как радость, так и укрепление духа.

доктора Священного Писания, которые **по причине страхов** бегут от правды и уже не смеют говорить. И я сам, к сожалению, таким был, что искренно и открыто правду проповедовать не дерзал»⁴¹.

Не только «страх» нехристиан (или лжехристиан) перед Богом, но и «боязнь Божью» настоящего христианина гуситы толковали в контексте той военной обстановки, которая сложилась в 1420-х гг. В конце своего «Воинского устава» 1423 г. Ян Жижка заявил: «И если мы будем сохранять и воплощать вышенаписанные спасительные статьи (вероятно, подразумеваются Четыре Пражские статьи, изложенные в начале Устава, однако не исключено, что речь идет о всем его тексте. – Н. Н.), то Господь Бог будет с нами, со своей милостью и помощью: ведь мы должны поступать так для боя Божьего, будучи укоренены в добром христианстве, в любви, жить **в боязни Божьей**, постоянно предавать Господу Богу без сомнения все желания, нужды и надежды, ожидая от Него вечной отплаты»⁴². Если у Штитного «боязнь Божья» ведет верующего индивида к усмирению страстей и к покорности, то для Яна Жижки она наряду с любовью (к братьям своим), надеждой (на помощь от Бога) и жаждой «вечной отплаты» (т. е. места в Раю, обретенного через гибель на поле боя) становится тем значимым словом, которое готовит воина к сражению за Бога и Его закон, чтобы он – имея Бога в себе – дрался за Него насмерть, но не бежал. Именно такой настрой дает известный таборитский хорал, обнаруженный в Истебнице канционале, имеющий ритм, но не везде соблюдающий рифму:

Вы – ратники Божьи
и закона Его,
просите у Него подмоги
и верьте в Него,
что всегда с Ним победите в итоге!

41 «Ale již sem shledal, že sprostní kněží chudí a chudí laikové i ženy statečněji pravdy brání než doktorové svatého Písma, jenž **strachy** od pravdy pobíhají a nesmějí již mluvíti. I sám sem ten pohřiechu byl, že sem pravdy upříemo a zjevně kázati nesměl». *Jan Hus. Knížky o svátokupectví*. Praha, 1954. S. 83.

42 «A tak budeme-li zachovávatí, činiti a plniti artikule svrchu psané a spásitelné, pán buoh bude s námi a svú milostí a pomocí; neb to přísluší k boji božimu tak činiti, dobře křesťansky, v lásce zřízení, v **bázní boží** živu býti, své žádosti, potřeby i naděje v pánu bohu setrvale bez pochybení položiti, čekajíce od něho věčné odplaty». *Macek J. Ktož jsú boží bojovníci*. Praha, 1951. S. 153.

Христос – Ваша отплата,
бóльшая во сто крат.
Жизнь, за Него отданна, –
за вечную в уплат.
Счастье каждому, кто в истине погибнет!

**Тот Пан не бояться велит
Вредящих телесам,**
Веля: «Да жизнь положит
в любви за други своя».

Потому, стрелки и копыеносцы
из рыцарей числа,
кто с судлицей и цепоносцы
народа разного –
да помните все Пана Щедрого!

На число не смотрите,
Врагов не страшитесь.
Пана своего в сердце держите,
за Него и с Ним боритесь,
и пред лицом врагов не убегайте!

Давно чехи говорили,
присловие имея:
**возле доброго пана
добрый поход бывает!**⁴³

43 «Ktož jsú boží bojovníci
a zákona jeho,
prostež ot boha pomoci
a úfajte v něho,
že konečně vždycky s ním zvítězíte.

Kristusť vám za škody stojí,
stokrát více slibuje,
pak-li kto proň život složí,
věčný mieti bude;
blaze každému, ktož na pravdě sende.

В этом тексте мы видим, что Господа Бога (ст.-чеш. *pán buoh*) табориты уподобляют военному предводителю, идущему в поход со своими людьми, – знатному пану, досл. «господину». И призывы к бесстрашию по отношению к врагам сопровождаются побуждением к тому, чтобы табориты «держали в сердце» Бога, под чем можно понимать как любовь к Господу, так и страх перед Ним. Думается, что к подобной «милитаризации» понятия «боязни Божьей» гуситов подвигло следующее рассуждение Яна Гуса в его «Толковании десяти Божьих заповедей»: «Касаемо человека Бог имеет стремление: чтобы тот любил боязнь и любовь, а именно – боязнь Пана Бога своего. Ведь Он сказал через Малахию: “Если Я – Пан, то где боязнь Моя (т. е. передо Мной. – Н. Н.)?”. Потому что пан имеет власть для воздаяния. И поскольку Он – Бог, то знает всякое зло: и поскольку Он – твой Пан, то имеет власть везде и всегда над тобой. И поскольку это так, то считай, что и быть не может такого, чтобы Он не совершил отмщенье над тобой, если ты согрешишь. И поскольку Он – Пан, ты должен Его бояться. И поскольку Он – Пан Добрый, ты должен Его любить.

**Tent' pán velít' se nebáti
záhubcí tělesných,
velít' i život složiti
pro lásku svých bližních.**

Protož střelci, kopiníci
řádu rytieřského,
sudličníci a cepníci
lidu rozličného,
pomnětež všichni na pána štědrého.

**Nepřátel se nelekajte,
na množství nehleďte,
pána svého v srdci mějte,
s ním a proň bojujte
a před nepřátely neutiekajte.**

Dávno Čechové říkali,
a příslovie měli,
**že podle dobrého pána
dobrá jiezda bývá».**

Ведь истинно Он – Пан Добрый, так как ничего не требует от Своего слуги, а лишь того, что тому полезно: ведь ради величия Своего панства Он не для Своей потребности, но для пользы самого слуги считает его слугой. И поэтому Пан Сей не может приказать бесполезную вещь, поскольку Он Сам – Такой Пан, которому невозможно служить, преступая добродетель. Во-вторых, Он – Пан Добрый, поскольку не может незаконно удерживать мзду, но приходит ко слугам Своим, давая им вещи прежде, чем они сподобились бы заслужить их сами. В-третьих, Он – Пан Добрый, поскольку стоит со Своими слугами против всех врагов, их защищает и направляет, будучи сильным и давая все, что необходимо. В-четвертых, Он – Пан Добрый, поскольку хочет, чтобы Его верный слуга был во веки там, где Он, чтобы тот вечно имел Его совершенное королевство, в котором тот слуга будет иметь все, что захочет. И в-пятых, Он – Пан Добрый, поскольку очень дорожит Своим слугой и никогда не побежит от него. И даже если Он допустит телесные страдания слуги от врагов, то делает так для блага Своего слуги. И в том для Него великое любование, когда слуга твердо стоит за Него в тяжелом бою, поскольку чем более тяжелый бой тот претерпит, тем краше Он будет, так как не утратит часть Своего тела; а потому несчастным был бы тот человек, который не удержался бы возле Этого Пана»⁴⁴.

44 «A hnutí má člověkem, aby tak miloval bázeň a milování: bázeň, že die: pána boha svého. Neb die skrze Malachiáše: Jsem-li já pán, kdež jest bázeň má? Protož že pán má moc mstíti a že jest bůh, zná všechno zlé; a že jest pán tvůj, má moc všudy a vždy nad tebou; a poňavadž tak jest, měž za to, žeť nemož to býti, byť nepomstil nad tebou, když shřešiš. A tak že jest pán, máš se ho báti, a že jest pán dobrý, máš ho milovati. Jest věrně dobrý pán, neb nic nežádá od sluhy svého, jedné což jemu jest úžitečno; neb pro velikost svého pántvie, ne k své potřebě, ale k potřebě svého sluhy, máho za sluhu. A proto že nemož ten pán prikázati neúžitečné věci, protož sám on jest ten pán, jemuž nemůžeme slúžiti, prostředek přesáhajíc ctnostný. Druhé, jest pán dobrý, že nemož neřádně meškati, odplatú; ale předcházie sluhy své, dávaje jim věci, a prvé než by mohli hodně sami od sebe zaslúžiti. Třetí, jest dobrý pán, že proti všem nepřátelóm stojí se svými sluhami, a jich brání a zpravuje je, a silní, dávaje všechnu potřebu. Čtvrté, jest dobrý pán, že chce, aby jeho věrný sluha byl tu na věky, kdež on jest, a aby měl jeho královstvie plně věčně, v němž bude mieti, což bude chtieti. A jest, páté, dobrý pán, že velmě sobě váží svého sluhu, a že od něho nikdy nepoběhne. A ač kdy dá trpěti sluzě na těle od nepřátel, to učiní pro lepší svého sluhy; a má v tom velikú libost, když sluha pevně stojí pro něho v těžkém boji, neb čím strpí těžší boj, tiem bude krašší bez stracenie

* * *

Подведем итоги. Было обнаружено противоречие в том, как термины «страх», «боязнь», «ужас» применялись в Чехии XIV – первой трети XV в. при выражении чувств по отношению к Богу. В старочешских переводах Вульгаты XIV – начала XV в. (рукописи Дрезденская, Оломоуцкая и Литомержицко-Тршебоньская) в качестве страха перед Богом описывалось чувство тех, кто в Него верит, – ветхозаветных иудеев и первых римских христиан, в то время как иные термины («боязнь» и «ужас») применялись только там, где речь шла о реакции неверующих по отношению к Нему. В соответствии с этим принципом переводчики при необходимости отходили от изначального латинского текста. С другой стороны, в живом языке людей конца XIV – первой трети XV в. – как священников (Томаша Штитного и Яна Гуса), так и воинов-гуситов – термин «страх» употреблялся либо в бытовом контексте, либо же – для обозначения чувств тех, кто не является настоящим, праведным христианином. В то же время чувство верующего Томаш Штитный, Ян Гус и Ян Жижка передают термином «bázně boží», т. е. боязнь перед Богом: это понятие, как и понятие «правды Божьей», стало центральной категорией мировоззрения гуситов XV в.

Источники и литература

Брно. Моравская земская библиотека. Moravská zemská knihovna v Brně. Bible “mikulovská”. Sign. Mk. – 0000.001.

Оломоуц. Государственная научная библиотека. Státní vědecká knihovna Olomouc. Bible boskovická. Sign. M III 3.

Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М.: Русский язык, 2006. 844 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. СПб.: Азбука, 1996. Т. 3. 831 с.

Чистяков Г. П. Размышления с Евангелием в руках. М.: Новый градЪ, 2008. 268 с.

Archiv český, čili staré písemné památky české a moravské / vydal F. Palacký. Praha: Kronbergr i Říwnáč, 1844–1872. D. 3, 4, 6.

údu; protož biedný by byl člověk, který by se nepřidržel toho pána». *Jan Hus*. Sebrané spisy české. D. 1. S. 60.

Csertő Gy. *De timore Dei iuxta doctrinam scholasticorum a Petro Lombardo usque ad S. Thomam. Disquisitio historico-theologica*. Romae: Scuola tipografica Missionaria Domenicana, 1940. 269 p.

Glossarium mediae et infimae latinitatis conditum a Carolo du Fresne domino du Cange cum supplementis integris monachorum ordinis s. Benedicti / digessit G.A.L. Henschel. Parisiis: Didot fratres, 1842. T. 2. 968 p.

Jakoubek ze Stríbra. Výklad na Zjevení sv. Jana / vyd. F. Šimek. Praha: nákladem Komise pro vydávání pramenů českého hnutí náboženského ve stol. XIV a XV., 1933. D. 2. 685 s.

Jan Hus. Sebrané spisy české / vyd. K. J. Erben. Praha: nákladem B. Tempského, 1865–1866. D. 1, 2.

Jan Hus. Knížky o svátokupectví. Praha: nákladatelství ČAV, 1954. 151 s.
Klaret a jeho družina / vyd. V. Flajšhans. Praha: nákladem České akademie věd a umění, 1926. Sv. 1. 272 s.

Macek J. Ktož jsú boží bojovníci. Praha: Melantrich, 1951. 354 s.

Staročeská Bible Drážďanská a Olomoucká / vyd. V. Kyas. Praha: Academia, 1981–1988. D. 1–3.

Tomáš ze Štítného. Knížky šestery o obecných věcech křesťanských / vyd. K. J. Erben. Praha: tisk K. Jeřáskové, 1852. 354 s.

Tomáš ze Štítného. Řeči nedělní a sváteční / vyd. J. Straka. Praha: nákladem České akademie věd a umění, 1929. 464 s.

References

Archív český, čili staré písemné památky české a morawské; ed. by F. Palacký. Prague: Kronbergr i Říwnáč, 1840–1872. In 6 vols. Vol. 3, 628 p.; vol. 4, 608 p.; vol. 6, 639 p.

Chistiakov, G. P. *Razmyshleniia s Evangeliiem v rukakh*. Moscow: Novyi grad", 2008, 268 p.

Csertő, Gy. *De timore Dei iuxta doctrinam scholasticorum a Petro Lombardo usque ad S. Thomam. Disquisitio historico-theologica*. Rome: Scuola tipografica Missionaria Domenicana, 1940, 269 p.

Dvoretzkii, I. Kh. *Latinsko-russkii slovar'*. Moscow: Russkii iazyk, 2006, 844 p.

Fasmer, M. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka*. In 4 vols. Vol. 3. St. Petersburg: Azbuka, 1996, 831 p.

Hus, J. *Knížky o svátokupectví*. Prague: ČAV, 1954, 151 p.

Klaret a jeho družina, ed. by V. Flajšhans. Prague: Česká akademie věd a umění, 1926. In 2 vols. Vol. 1, 272 p.

- Macek, J. *Ktož jsú boží bojovníci*. Prague: Melantrich, 1951, 354 p.
- Staročeská Bible Drážďanská a Olomoucká*, ed. by V. Kyas. Prague: Academia, 1981–1988. In 4 vols. Vol. 1, 378 p.; vol. 2, 437 p.; vol. 3, 762 p.
- Štítného, T. ze. *Řeči nedělní a sváteční*, ed. by J. Straka. Prague: Česká akademie věd a umění, 1929, 464 p.
- Stříbra, J. ze. *Výklad na Zjevení sv. Jana*, ed. by F. Šimek. Praha: Komise pro vydávání pramenů českého hnutí náboženského ve stol. XIV a XV., 1933. In 2 vols. Vol. 2, 685 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.17

N. N. Naumov

«The Fear of God» in Late Medieval Bohemia

Nikolay N. Naumov

Candidate of History, research fellow

Lomonosov Moscow State University

119192, Lomonosovsky Prospect 27-4, Moscow, Russian Federation

Email: nn-naumov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6587-1681

Citation

Naumov N. N. “The Fear of God” in Late Medieval Bohemia // Slavic Almanac. 2024. No 3–4. P. 312–333. (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.17

Received: 10.11.2023.

Revised: 26.11.2023.

Accepted: 13.03.2024.

Abstract

The paper deals with the semantics of the Old-Czech terms which were used in Bohemia to define “the fear of God” during the 14th and the first third of the 15th century. The first part of the paper considers the Latin-Czech word pairs written in Klaret’s Dictionary (the 14th century). It has been shown that in the Dictionary the notion of fright (*bázně*) was considered as the opposite of love (*milost*) while Klaret did perceive the semantic-etymological connection between the notions of fear (*strach*) and passion (*strast*). In the second part of the paper a comparison between Klaret’s usage and the Old Czech translation practice of the Vulgate has been undertaken. The comparison makes evident that

the original Latin terms (*timor*, i.e. timidity; *pavor*, i.e. fear; *terror*, i.e. nightmare) were transferred as “*strach*” by the translators on their own sake in case when the Latin terms expressed the feeling of a believer; in turn, the Old Czech terms of fright (*bázně*) and terror (*hróza*) mostly expressed the feelings of the unbelievers who were intimidated by God. The third part of the article deals with the usage of the theologians Thomas of Štítný and John Hus in the end of the 14th and at the threshold of the 15th century, as well as the usage of the Hussites in the 1420-ies. The term “fright of God” (*bázně boží*) was used by them to express the feeling of a believer while the term “fear” (*strach*) signified either the feeling of Non-Christians and false Christians, or the psychological obstacle that every just man is vocated to overcome. Thus, a direct controversion existed between the Old-Czech translation practice of the Vulgate and the living language of the Late Medieval Czech people.

Keywords

Kingdom of Bohemia, the 14th – 15th century, the Old-Czech language, the Vulgate and the Old-Czech Bible, Thomas Štítný, John Hus, Hussites.